

Доктор Давид де Сильва, Апокрифы, Лекция 2, Пристальный взгляд: Первая Ездра, Бен Сира, 1 и 2 Маккавеи

© 2024 Дэвид ДеСильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это сеанс 2, «Более внимательный взгляд: Первый Ездра, Бен-Сира, Первая и Вторая Маккавеи».

В этой и следующих лекциях мы вместе проработаем все книги апокрифов.

В этой серии я буду следовать нетрадиционному порядку, а не типичному порядку печатного издания. Сначала мы сосредоточимся на тех текстах, которые либо происходят из земли Израиля, либо в каком-то смысле считают ее основным местом своего проживания. А затем мы перейдем к тем текстам, которые больше ориентированы на жизнь евреев за пределами Израиля.

В этой презентации мы начнем с Первой Ездры. Во-первых, Ездра представляет нам альтернативную версию событий, о которой мы читали в наших канонических Первых Паралипоменон, 35-38, нашей канонической книге Ездры и материале в Неемии 8. Похоже, что какой-то автор взял материал из эти старые, более известные версии и соединили их вместе, пересказав историю. В той версии, которую мы имеем в Первой Ездре, мы начинаем с 18-го года правления царя Иосии.

Далее мы переходим к вавилонскому завоеванию, перенесемся к указу Кира, разрешающему изгнанникам из Иудеи вернуться в свою землю. А затем мы переходим к указу Дария о восстановлении, чтобы осуществить свое намерение восстановить храм. Затем, наконец, сосредоточьте на реформах Эзры, чтении Торы, создании судов, основанных на законодательстве Торы, и, что самое трогательное, очищении людей посредством развода и отречения от нееврейских жен и детей. таких союзов.

Итак, есть некоторые важные различия между Первой Ездрой и канонической историей, разворачивающейся в текстах, о которых я упоминал ранее. В частности, в «Первой Ездре» наблюдается запутанная последовательность событий. Автору явно нужен был редактор, потому что такой как бы спрыгивает со страницы на читателя.

Мы делаем несколько шагов назад и снова движемся вперед по той же местности в одной или двух точках. И это, видимо, связано со стремлением автора возвысить персонажа Зоровавеля. Что наиболее отличает Первую Ездру

от нашей канонической версии истории, так это добавление состязания трех телохранителей.

Это своего рода куртуазная сказка, придворная сказка, действие которой происходит в рассеянии, не имеющая аналогов в наших канонических писаниях. В этой истории за спящим Дарием, царем, наблюдают его телохранители, и его телохранителям скучно. Итак, они предлагают соревнование между собой.

И на самом деле они не получают разрешения Дария, но результат состязания таков: давайте устроим это состязание, и кто бы ни победил, царь Дарий даст ему все, что он попросит. Отличный конкурс, пока ваш босс спит. Итак, конкурс предполагает лучший ответ на вопрос: Кто самый сильный? Какая самая сильная сила в человеческом обществе? И вот каждый из телохранителей подкладывает свой ответ на клочке папируса под подушку Дария.

Итак, представьте себе его удивление, когда он просыпается и обнаруживает, что под его подушкой лежит связка печенья с предсказаниями. Затем короля допускают к участию в состязании, и он зачитывает ответы. Первый телохранитель говорит, что король самый сильный.

Ну и ладно, лесть иногда куда-нибудь приведет. А затем телохранитель объясняет, почему король самый сильный. И вытаскивает очевидные причины.

Армии двигаются по его команде, яда, яда, яда. Второй телохранитель предполагает, что вино самое сильное, потому что оно имеет власть даже над королем. Третий телохранитель сначала предлагает ему смошенничать; он записывает два ответа.

Сначала он предполагает, что женщины самые сильные, потому что мы все видели, что некая наложница способна сделать с королем, типа снять корону с его головы, игриво дать ему пощечину и все в таком духе. Но затем он говорит, что на самом деле самое сильное — это истина. Истина – самая сильная сила в человеческом обществе.

И, по правде говоря, у него также могло быть больше чувства божественного порядка в космосе, который является там самой сильной силой. Теперь, в конце этого состязания, очевидно, побеждает третий телохранитель; Выясняется, что этот третий телохранитель - Зоровавель. Так что, вероятно, занесена первоначально самостоятельная история, и победитель этой истории отождествляется с Зоровавелью.

И чего он требует от короля? Он просит царя выполнить его намерение, объявленное ранее во время его правления, восстановить храм в Иерусалиме и поручить ему, Зоровавелю, пойти посмотреть, как это будет сделано. Итак,

история теперь движется вперед с Зоровавель во главе. Запутанный порядок событий, по-видимому, является результатом преднамеренной перетасовки истории, чтобы освободить место для этого соревнования, освободить место для Зоровавеля на этом этапе и действительно возвысить его как центральную фигуру, которая инициирует дело.

Он полностью поглощает роль Неемии, которому мы приписываем многое из того, что делает Зоровавель в этой истории. На самом деле не ясно, почему автор зашел так далеко, но одно из предложений заключалось в том, что, поскольку Зоровавель принадлежит к линии Давида, это был способ автора продемонстрировать, что при восстановлении Иерусалима и его храма, даже несмотря на то, что монархия была Будучи восстановленным, Божьи обещания восстановить дом Давида были исполнены в возвышении Зоровавеля и в достижении этого потомка Давида. Что мы также замечаем в истории Первой Ездры, так это большее внимание к храму, его деятельности и литургическому календарю.

В отличие от библейского аналога, когда вы просто читаете эту книгу, у вас возникает ощущение, что литургический календарь праздников Песаха и праздников кущей, оба из которых появляются дважды, структурируют работу и действительно обеспечивают основной ритм еврейской жизни и даже еврейской жизни. история. Также наблюдается большее возвышение фигуры Ездры, который уже не просто священник, а первосвященник, и его реформы и восстановление Торы являются кульминацией нынешней работы Первой Ездры. Отсутствие внешнего вида Неемии просто способствует более полному возвышению этих двух персонажей, Зоровавеля и Ездры.

Вероятно, эта книга датируется примерно вторым веком до нашей эры или чуть позже. Среди ученых растет согласие в том, что у нее был еврейский или арамейский оригинал, но сейчас у нас есть только рукописи на греческом и других переводах, и нет никаких материальных свидетельств еврейского или арамейского оригинала. Похоже, что в межзаветный период его очень ценили как альтернативный вариант повествования.

Например, Иосиф Флавий, который наверняка знает Ездру и Неемию так же, как мы знаем эти книги, похоже, предпочитает версию Первой Ездры в качестве своего источника, поскольку он рассказывает эту историю и свои иудейские древности. Однако на самом деле самые влиятельные стихи Первой Ездры с течением времени стали ответом третьего телохранителя. Истина побеждает все, или, как он выразился позже в том же повествовании, «велика истина и превосходит все» на самом деле были очень часто используемыми девизами на протяжении всей истории западного общества.

Вы все еще можете найти колледжи, на гербах и щитах которых есть латинские версии этих высказываний. Движущий интерес Первой Ездры, и он, конечно, разделяется и с каноническими историями, но здесь он кажется повышенным, потому что это кульминация этой истории, акцент на сохранении святого семени Израиля через бракосочетание только внутри дом Израиля, урок, который преподается израильтянам в этой истории благодаря повелению Ездры им оставить своих иностранных жен и отречься от смешанных детей, возникших в результате этих союзов. При установлении границ и избирательного округа Израиля большое внимание также уделяется генеалогии.

Если бы у репатриантов была каким-то образом повреждена генеалогия, они не смогли бы установить свою генеалогию, и им больше не было бы места в Израиле. А если священники, те, кто считает себя принадлежащими к священническому или левитскому происхождению, не могли продемонстрировать свою генеалогию, им запрещалось священническое или левитское служение. Итак, еще раз, это очень этнически ориентированный текст с точки зрения укрепления этих границ и определяющих линий внутри и вокруг Израиля, в отличие от смешения святого семени с другими.

Теперь мы обратимся к тексту совершенно иного рода, «Мудрости Бен-Сиры», который, возможно, является самой длинной книгой в апокрифах, а также, я бы сказал, самой важной с точки зрения ее общего воздействия как на ранний иудаизм, так и на Христианство. Бен-Сира был мудрецом, жившим в Иерусалиме, и у него был дом обучения. Он приглашал учеников и, предположительно, получал оплату от семей учеников, обучая их знанию своего культурного наследия, а также международной мудрости таким образом, чтобы они могли безопасно, мудро и с пользой путешествовать по миру в самых разных сферах. обстановка, бизнес, политика, общественные мероприятия и семья.

Чтобы понять Бена Сиру, важно понять, что происходило на протяжении десятилетий его активной жизни. Александр Великий расширил греко-македонский контроль над Иудеей примерно к 331 г. до н.э., хочу сказать, плюс-минус несколько лет. Очевидно, что во время его путешествия по Средиземноморью в Египет земля, которую мы могли бы назвать Палестиной, была частью его завоевания.

Александр, а затем его непосредственные преемники, которые были не детьми Александра, а его генералами, разделили его королевство между собой, а затем продолжали сражаться между собой за еще больший кусок мира. По большей части они не навязывали Иудее и ее жителям иностранные обычаи или культуру, но значительный процент иудейской элиты начал замечать, что им было бы выгодно перенять больше черт доминирующей культуры и даже, возможно, попытаться поместить Иерусалим на карту, превратив Иерусалим во

все более греческий город. Мы будем говорить об этом подробнее в связи с 1-й и 2-й Маккавеями, а просто скажем, что во время активной карьеры Бен-Сиры он наблюдал за элитами, семьями, чьим детям, чьей молодежи он служил, все больше и больше хотелось походить на них. народы, специально для того, чтобы становиться все более и более греческими по культуре, внешнему виду, по названию. Это период, когда многие евреи оставили позади свои варварские местные имена в пользу греческих имен, что является одним из наиболее очевидных способов представить себя доминирующей культуре как одного из них.

Он бы наблюдал за развитием этой тенденции, и сам он был очень осторожен в отношении этой тенденции, а в некоторых моментах был категорически против этой тенденции. Итак, как мы видим, его голос призывал к консерватизму во все более прогрессивной атмосфере. Бен-Сира, конечно, преподавал в Иудее около 200 г. до н. э., писал на иврите и фактически сохранил для потомков в письменном виде свою собственную учебную программу или лучшие моменты своей учебной программы.

Позднее книга была переведена на греческий язык примерно в 132 г. до н. э. его внуком, который взял с собой мудрость своего деда в еврейскую общину в Египте, вероятно, в Александрии, и там сделал ее доступной, насколько это было возможно, на греческом языке для местной еврейской общины. В основном именно греческая версия «Бен- Сиры» составляет основу многих английских переводов, хотя около двух третей книги, а возможно, и больше к этому моменту, было обнаружено в рукописях на иврите. Например, в Масаде была найдена цепочка из четырех или пяти глав, свитка Бен-Сиры из Масады, а значительные ее куски были найдены в хранилище ветхих рукописей в синагоге в Каире.

Итак, существует некоторая текстовая основа, я бы сказал, некая рукописная основа для размышлений об оригинальной версии Бен-Сиры и даже для изучения того, что делал внук, переходя с иврита на греческий. Я скажу, что это своего рода отступление, но внук в своем прологе к «Бен Сире» дает нам интересное окно в сам перевод, потому что в этом прологе он, по сути, извиняется за любую дистанцию, которую он ввел во встречу читателя с мудростью своего деда. и, по сути, говорит, что сделал все, что мог. Но то же выражение на греческом языке не имеет той же силы, что и исходное выражение на иврите.

Итак, он признает эту дистанцию в переводе и продолжает говорить, что даже наши священные книги в греческом переводе, которые мы обычно объединяем под термином Септуагинта, даже наши священные книги, Закон, Пророки и другие писания, при чтении на греческом языке не имеют такой же силы, как в оригинальном иврите. Итак, раннее осознание того, что перевод меняется, как

бы усердно вы ни старались, перевод меняет переводимый текст. Бен Сира, возвращаясь к основной теме, сам Бен Сира имел в виду попытаться сохранить преданность своего ученика образу жизни, соблюдающему Тору.

Да, нужно было добиться прогресса; нужно было поучиться чему-то у большого мира, у эллинистического мира, у греческой мудрости и других источников мудрости, доступ к которым облегчило объединение всех этих земель под одной империей. Но суть в том, что это не должно уводить нас от послушания к соблюдению нашего исконного образа жизни. Так, например, в условиях, когда ряд представителей элиты думают, что путь к чести — это путь все большей и большей ассимиляции с греческим миром, Бен Сира учит своих учеников, что верность завету — это неприменимый признак благородного человека. .

Итак, читаем мы в 10-й главе Бен-Сиры, чьи потомки достойны чести? Те, кто боятся Господа. Чье потомство недостойно чести? Те, кто нарушает заповеди. Среди членов семьи их руководитель достоин чести, но боящиеся Господа достойны чести в его глазах.

Богатые, знатные и бедные, слава их — страх Господень. Чествуются и князь, и судья, и правитель, но никто из них не больше того, кто боится Господа. Итак, в этом отрывке Бен Сира говорит, что, в конечном счете, да, вы можете добиться светской чести различными способами.

И мы все уважаем определенных людей, тех, кто богат, тех, кто достиг выдающихся должностей в правительстве или в судебной системе, но основная ценность или, я бы сказал, основа чести — это ваша верность завет. Потому что именно это придает вам ценность в глазах Бога. И оценка Божия длится вечно.

Таким образом, он пытается воспитать в своих учениках стремление считать свою честь основанной прежде всего на их соответствии Торе. А после этого — с тем, чего они могли бы достичь иначе в этой жизни. Итак, Бен Сира, хотя он во многом опирается на библейскую книгу Притчей, во многих отношениях вы можете читать Бен Сиру как более поздний комментарий к Притчам или как мудрость, развитую как размышление или в результате размышления над конкретными Притчами.

Есть много, много параллелей. Но Бен-Сира делает одну вещь, чего не делает «Притчи», — это явно связывает мудрость с законом. И я имею в виду явно.

Так, например, в 24-й главе Бен-Сиры Бен-Сира олицетворяет мудрость и позволяет ей рассказать свою историю. И ее история такова, что я искал пристанище среди всех этих народов, имея в виду все различные народы земли. На чьей отведенной территории мне следует поселиться? Тогда создатель всего сущего дал мне команду.

Тот, кто создал меня, раскинул мой шатер и сказал: поселись в Иакове. Пусть Израиль получит ваше наследие. Итак, я утвердился в Сионе.

Он сделал горячо любимый город моим пристанищем и установил мою власть в Иерусалиме. Я пустил корни в прославленном народе среди людей, которых Господь избрал для Своего наследия. Итак, во вступительной части этой мудрой речи, рассказывающей ее собственную историю, Бен Сира, несмотря на свою склонность опираться на международную мудрость, недвусмысленно заявляет, что дом мудрости находится прямо здесь, в Иерусалиме.

Это эпицентр жилища мудрости по Божьему указу. И это является отражением Божьего выбора этой нации среди всех остальных и среди них. И затем, в заключение этой же истории о мудрости, Бен-Сира добавляет этот заключительный комментарий, говоря о женской мудрости, так сказать, все эти вещи находятся в заветном свитке Всевышнего Бога, законе, который заповедал нам Моисей, наследии из собраний Иакова.

Таким образом, Бен Сира явно отождествляет мудрость, эту персонифицированную женщину, с Торой, и этот свиток находится в нашем распоряжении, что до сих пор, вероятно, было чуждо традиции мудрости в Израиле. Итак, если вы хотите мудрости, если вы хотите всех благословений мудрости, которые он фактически перечислил ранее в этом стихотворении, они прямо здесь. Это отправная точка.

Это вы для них копаете в законе Моисеевом и в исполнении закона. И эта тема проходит через всю его книгу. Так, например, довольно рано в книге он прямо говорит: если хочешь обрести мудрость, соблюдай заповеди, и Господь подаст ее тебе в огромных количествах.

И примерно в трети книги мы встречаем такое высказывание: всякая мудрость предполагает исполнение закона. Итак, для Бен Сиры жизнь, соблюдающая Тору, является отправной точкой для любой мудрости. А если вы отойдете от соблюдения Торы, вы отойдете от мудрости.

Это важное и действительно политически заряженное послание, сделанное в 200 г. до н.э., потому что 25 лет спустя первосвященник скажет: мы больше не будем считать Тору конституцией страны. Мы собираемся восстановить Иерусалим, используя конституцию, созданную по образцу афинской конституции. Итак, Бен Сира — весьма консервативный голос, говорящий, что как только вы оставляете Тору позади, вы оставляете позади мудрость.

Одна вещь, которую мы находим в Бен-Сире, может нас удивить, если нашей основной точкой отсчета является Новый Завет и, в частности, Павел, Павел,

который в Послании к Римлянам, по сути, создает у нас впечатление, что вы не можете соблюдать закон. И в этом проблема закона. Это просто невозможно сохранить.

Если бы его можно было сохранить, все было бы по-другому. Но Бен Сира дает нам совсем другую картину. Он считает, что закон осуществим.

Итак, мы читаем, и на самом деле он получает это прямо из Второзакония 30. Итак, мы читаем во Второзаконии 30, конечно, эта заповедь, которую я повелеваю вам сегодня, не слишком трудна для вас и не слишком далека от нее. Я предложил тебе жизнь и смерть, благословение и проклятие.

Теперь выберите жизнь, чтобы жили вы и ваши потомки. Бен Сира отражает этот язык; это почти что-то вроде аннотации к 30-й главе Второзакония, когда он пишет, что именно Бог создал человечество в начале и оставил его во власти их собственного свободного выбора. Если вы захотите, вы сможете соблюдать заповеди, а действовать верно — это дело вашего собственного выбора.

Он положил перед тобой огонь и воду. Вы можете протянуть руку тому, что пожелаете. Жизнь и смерть находятся перед людьми.

Им будет предоставлено то, что они пожелают. Итак, Бен-Сира по-прежнему твердо убежден, что все, что открыто во Второзаконии, — правда. Закон осуществим.

В наших силах сохранить его. Кроме того, то, что оно обещает послушным, является надежным. Также в Бен-Сире мы находим, что он использует образы из Второзакония 27–30, 27–30, размышляя об определенных, неизбежных последствиях как соблюдения Торы, так и несоблюдения Торы, а именно об обещаниях благословения для тех, кто соблюдает Тору, , обещания проклятия для тех, кто пренебрегает Торой.

Итак, мы снова читаем в первой главе Бен-Сире, что страх Господень развеселит сердце и даст веселие, радость и долгую жизнь. В конце концов дела у тех, кто боится Господа, пойдут хорошо. Они будут благословлены в момент своей смерти.

И снова, ближе к концу книги, если вы боитесь Господа, вы ни в чем не будете нуждаться. Если он у вас есть, нет причин обращаться за помощью. Страх Господень подобен саду благословения и покрывает человека полнее всякой славы.

Хотя Бен Сира признает, что Адам своим проступком усложнил жизнь всем людям, тем не менее, Бен Сира считает, что Бог все еще творит все ради

справедливости, во благо и во зло, в рамках этой жизни, просто как обещало Второзаконие. Когда хорошие люди сталкиваются с трудностями, Бен Сира может объяснить это, используя традиционные образы, например, испытание золота в печи. Золото испытывается огнем, а те, кого находит угодным Богу, испытываются в печи уничтожения.

Боящиеся Господа, уповайте на Него, и награда ваша не пропадет. Последней частью этой грани программы Бен-Сира, его пропаганды соблюдения Торы как способа почтения вопреки тому, что начинают говорить многие представители элиты, является его гимн, восхваляющий людей хэсэда, людей преданных завету, которые занимает все главы Бен-Сира с 44 по 49. В этом длинном гимне Бен-Сира, по сути, репетирует священную историю Израиля, от Адама до самых недавних времен.

Фактически, в главе 50 она завершается гимном, восхваляющим последнего первосвященника Симона II, Симона Справедливого. И суть, или, лучше сказать, тема, которая проходит через весь этот пересказ истории, заключается в том, что те, кто соблюдал закон Всевышнего, снискали честь. Мы и по сей день чтим Авраама, Моисея, Аарона и Финеаса за усердное соблюдение заповедей и ревность к закону Господню.

Но мы до сих пор проклинаем память тех царей Израиля и Иудеи, например, которые продали свою славу, которые отдали свою славу, потому что они следовали другим богам, и которые оставили заповеди Торы позади, в конечном итоге навлекая катастрофу на человечество. нация. Очевидно, что Бен Сира, его 51 глава материала, охватывает также множество других важных тем. И, как я уже сказал, это темы, связанные с домашней жизнью, общественной жизнью, политической жизнью, экономическими предприятиями, практически всем, что нужно знать молодому человеку, чтобы мудро и успешно идти по жизни.

Поэтому он уделяет значительное внимание заботе и уважению к своим родителям, особенно по мере их старения, тщательному воспитанию собственных детей, глубокому вкладу в образование, воспитание, а также дисциплине и присмотру за детьми, как сыновьями, так и дочерьми. Я просто скажу в качестве отступления: именно то, что он говорит о женщинах, доставляет Бену Сире больше всего неприятностей. Отражая во многом культурный стереотип женщины, а также культурную тревогу по поводу женщин, он призывает мужчин быть очень осторожными как в отношении своих жен, так и особенно в отношении своих дочерей.

В этом обществе дочь, которая была сексуально уязвима перед приставаниями другого мужчины, позорила семью отца и затрудняла отцу поиск подходящего мужа для дочери. Итак, исходя из этого контекста, Бен Сира делает некоторые

преувеличения по поводу упрямой дочери и того, что она является обузой в семье. Мы можем только надеяться, что они были намеренно преувеличены.

Бен Сира также учит тому, как важно уважать своих благотворителей и быть осторожным в выборе друзей, своих благотворителей и своих бенефициаров. И это на самом деле, возможно, представляет собой изменение в культуре со времен «Притчей», потому что здесь, в Бен-Сире, гораздо больше отражены, скажем так, греко-римские механизмы дружбы и покровительства, чем этос, который я нашел, по крайней мере, в книге «Притчи». Пословицы. Он даже говорит о правильной этикете на общественных мероприятиях.

Например, когда вы идете на симпозиум, который также является новым явлением, возможно, это не совсем так, но симпозиум хорошо известен как греческое общественное мероприятие, своего рода вечеринка с вином, на которой достаточно еды, чтобы помочь поглощать вещи. Бен Сира советует молодым людям убедиться, что первое, о чем вы думаете от начала до конца, — это произвести хорошее впечатление. Не о лакомствах, которые тебе подают, не о вине или о том, что у тебя есть, а береги себя, будь воздержан во всем, чтобы из тебя вышел человек вежливый, почтительный, воспитанный.

На самом деле он также тратит немало времени, предостерегая своих учеников относительно общения с великими и могущественными. С одной стороны, это путь к социальному развитию. Это путь к экономическому и политическому прогрессу. С другой стороны, как выразился Бен Сира, это все равно, что ходить по прямому лезвию меча.

Если вы споткнетесь, вы разрежете себя пополам. Он призывает к справедливости в экономических вопросах и обращении с сотрудниками. Он пропагандирует ценность сохранения финансовой независимости, а не подчинения себя кредиторам того или иного рода.

В Бен-Сире мы находим сочетание непоколебимой приверженности еврейскому образу жизни, с одной стороны, с открытостью мудрости, которой можно было бы поучиться у других народов, что, конечно же, является частью наследия Притчей и Книги Притчей. Еврейская традиция мудрости, международная традиция мудрости в широком смысле. С одной стороны, он широко использует Притчи и другие тексты, такие как Второзаконие, из библейского наследия Израиля. С другой стороны, он говорит о необходимости такого писца, как он, такого мудреца, как он, путешествовать по чужим землям, чтобы писец мог проверить, что хорошо и что плохо у всех народов, собирая ценное из мудрости. других народов для включения в его собственное учение.

И сам Бен Сира явно включил в свое учение много иностранной мудрости, иностранной мудрости здравого смысла. Например, если бы вы сопоставили его

учение о дружбе с элегиями греческого мудреца VI века Теогнида, вы бы обнаружили во многом совпадение. И конечно, Теогнид, писавший четыре столетия назад, вероятно, во многом зависел.

Итак, этот материал о том, как быть надежным, но и осторожным, осторожным, рассудительным другом, Бен Сира каким-то образом усвоил из греческой мудрости. И если бы вы сравнили слова предостережения Бен-Сиры в отношении великих и могущественных, обещавшие как прогресс, так и разрушение, с египетским текстом, известным как «Наставление Феба», вы снова обнаружили бы большое количество параллелей и вероятность того, что много путешествовавший мудрец Бен Сира опирался в этом отношении на египетский текст. Но для Бен Сиры мудрость, жизнь писца, жизнь мудреца, жизнь ученого — это не просто вопрос головы.

Это еще и вопрос души. Это также коренится в отношениях человека с Богом. Мы видим, как он прямо говорит или направляет своих учеников рассматривать молитву как важный источник мудрости наряду с учебой и беседой с мудрыми.

Так, например, он пишет в 39-й главе, что книжники обязуются вставать рано, чтобы искать Господа, создавшего их, и молиться Всевышнему. Они откроют уста в молитве и попросят прощения за свои грехи. Если великий Господь пожелает, они наполнятся духом понимания.

Они изольют слова мудрости и воздадут хвалу Господу в молитве. Их рассуждения и знания останутся неизменными, и они будут размышлять о тайнах Божьих. И чуть раньше пишет, прежде всего молитесь Всевышнему, чтобы Он сделал прямой путь ваш в истине.

Итак, мудрость — это не просто результат учебы, это результат глубины взаимоотношений человека с Богом и того, что Бог откроет человеку. Бен Сира в своем наставлении также оставляет место ритуальным и литургическим действиям. Он очень поддерживает храм и то, что происходит в храме, он призывает и во многом моделирует связь между тем, чтобы быть мудрецом и тем, кто всем сердцем участвует в литургической жизни храма.

Один показательный текст в этом отношении взят из 7-й главы Бен-Сиры, где он берет строки из Шемы, Второзакония 6, которая является своего рода основным текстом Израиля. Господь Бог наш, Господь един, и возлюбите Господа всем сердцем, душой, разумом, силой и так далее. И он сочетает это с инструкциями относительно храма и его персонала.

Итак, читаем, бойтесь Господа всем своим существом и почитайте священников Его. Из всех сил любите того, кто вас создал, и не пренебрегайте его служителями. Бойтесь Господа и почитайте священника.

Отдайте священнику его долю, как вам было приказано. В этом отрывке мы, по сути, повторяем строку из Шмы, за которой следует своего рода аналог, относящийся к уважению к храму и его персоналу. Итак, очень тесное переплетение этих двух вещей.

Мы также получаем от Бен-Сиры прекрасную картину яркости и трепета от ритуалов, происходивших в храме. Бен Сира рассказывает из первых рук от человека, для которого это шоу не было пустым; это был не пустой ритуал, а глубоко религиозный опыт, мощная встреча с живым Богом. В главе 50 Бен Сира вспоминает храмовую жертву.

Ученые не уверены, является ли это просто ежедневной жертвой или, возможно, даже днём искупительной жертвы под руководством Симона II, Симона Справедливого, известного первосвященника. Итак, пишет он, когда Симон надел свою славную одежду и оделся в совершенное великолепие, когда подошел к святому жертвеннику, он принес славу дворам храма. Все сыновья Аарона были в славе своей и держали в руках жертву Господу перед всем обществом Израиля.

Когда он заканчивал свое служение у жертвенника, он возлил вино к основанию жертвенника, в приятное благоухание Всевышнему, Царю всех. Тогда сыновья Аарона возликовали, и весь народ опустил лица свои на землю, поклонившись Господу своему, Всемогущему, Богу Всевышнему. Певцы под аккомпанемент арф своими голосами пели дифирамбы.

Они создали приятную мелодию с насыщенным звучанием. Народ Господа Всевышнего возносил молитвы пред Милосердным, пока не был совершен порядок служения Господу. Тогда Симон сошел и воздел руки над всем собранием израильтян, чтобы из уст своих произнести благословение Господне и прославить имя Его.

И они поклонились для поклонения во второй раз, чтобы получить благословение от Всевышнего. Это из 51-й главы Бен-Сиры. И здесь мы понимаем, что те, кто участвует в храмовом культе, участвовали, по крайней мере, как это понимал Бен-Сира, от всего сердца, всем своим телом и всем своим разумом.

С одной стороны, Бен Сира мог бы сказать, что моральные действия имеют ритуальное значение. Это то, чему он сам мог бы научиться из Псалмов и пророков. Итак, в 35-й главе Бен-Сиры он написал: «Тот, кто соблюдает закон, дает много приношений».

Кто соблюдает заповеди, тот приносит в жертву благополучие. Тот, кто оплатит за доброту, предложит лучший цветок. И всякий, кто совершает благотворительность, приносит хвалебную жертву.

Но в то же время такие высказывания, придающие ритуальное значение, я мог бы сказать, придающие моральным действиям значение в глазах Бога, такое же значение, какое могли бы иметь ритуальные действия, также никоим образом не принижают значения ритуальных действий. В жертвенном культе Бен-Сиры нет недостатка в ценности. От Бен-Сиры мы понимаем, что благочестие в этот период подразумевало жизнь, сосредоточенную на Торе, благе ближнего, а также на правах и практиках, а также на заботливой связи с Богом.

Все это было частью единого целого. То, что в соответствии с определенными традициями Реформации можно было разделить на гражданские, моральные и ритуальные законы, для Бен-Сиры было частью единого целого. Ни один аспект нельзя игнорировать, и нельзя компенсировать недостатки в одной области, одной предполагаемой области, совершая действия в другой.

Тора была единой, и ее должны были воплощать в жизнь те, кто искал славы перед Господом. Теперь я перехожу к двум книгам, 1-й и 2-й Маккавеям, которые, по сути, являются историческими книгами, которые можно найти в апокрифах. Как я упоминал в предыдущей лекции, эти книги, вместе взятые, рассказывают историю Иерусалима и Иудеи примерно между 175 и 141 годами до нашей эры, поистине бурным периодом в межзаветной истории.

Эти две книги, 1-я и 2-я Маккавеи, имеют разное происхождение и несколько разные точки зрения на эту историю. По сути, 2-я Маккавейская книга представляет собой сокращение более длинной пятитомной истории того периода, написанной человеком по имени Ясон из Кирены. Мы знаем это, потому что человек, сделавший сокращение, прямо называет свой источник и немного рассказывает о том, как он взял эти пять свитков и свел их в один.

Оно было написано на греческом языке точно так же, как оригинал был написан на греческом языке, хотя это не говорит нам о том, где произошло сокращение. Вполне возможно, что он произошел из Иерусалима или Иудеи, многие жители которых к этому моменту были знакомы с греческим языком. Дата 2-й Маккавейской книги может приходиться где-то между 160 г. до н.э., через год после окончания истории в этой книге, и 63 г. до н.э.

Конечно, самая ранняя часть этой даты или этого диапазона маловероятна. Ясон из Кирены вполне мог написать свою историю очень близко к тому месту, где она заканчивается, но сокращение, вероятно, появилось где-то позже. Если письма в предисловии ко 2-й Маккавейской книге являются подлинными, у нас может возникнуть ощущение, что сокращение было написано где-то до 124 г. до

н.э., потому что одно из этих писем отправляет эту историю, отправляет это сокращение или представляет собой отправку этого сокращения евреям диаспоры. способствовать соблюдению Хануки, праздника посвящения, в более широком смысле, чтобы побудить большую еврейскую общину отмечать этот праздник как способ признания того, что Бог недавно сделал для Божьего народа, и, возможно, даже узаконить династию, посредством которой это произошло.

2-й Маккавейский, однако, не особенно заинтересован в легитимизации династии Хасмонеев, возникшей в результате восстания Маккавеев. Он никоим образом не против Хасмонеев, но и не является явно сторонником Хасмонеев, в отличие от автора Первой Маккавейской книги. 1-я Маккавей – это династическая история.

По сути, это история о том, как относительно малоизвестная семья священников Маттафия и его пять сыновей, Иуда, Елезар, Иоанн, Ионафан и Симон, основали династию, которая будет править как первосвященники, а затем и как цари, скажем, из 141–63 гг. До н.э., когда вмешался Рим. И хотя он восстановил бы титул первосвященника Хасмонеев, он не восстановил бы титул царя этому Хасмонеев, а скорее передал бы светское правительство в другие руки. Опять же, в 1-й Маккавейской истории история заканчивается в 141 году до нашей эры, поэтому вполне вероятно, что она могла быть написана в любое время после этого.

Вероятно, это было написано до 63 г. до н.э., потому что Рим стал своего рода врагом в тот момент, когда он вмешался намного дальше того, на что надеялся любой еврейский лидер, чтобы урегулировать спор, к которому мы вернемся позже. . Однако более вероятно, что 1-я Маккавейская книга была написана после окончания правления Иоанна Гиркана. Значит где-то с 104 г. до н.э. и после.

Это было время, когда укрепление династии было бы гораздо более важным, чем тогда, когда ею руководил сын последнего великого героя восстания Маккавеев. История, которую рассказывают эти две книги, и они рассказывают эту историю по-разному, и я в некотором смысле не решаюсь объединить эти истории вместе, но историкам приходится это делать. По сути, это наши единственные источники за данный период.

Сам Иосиф Флавий сильно зависел от 1-й Маккавеев. История, которую они рассказывают, имеет большое значение для понимания этого периода. События в Иудее между 175 и 141 гг. до н. э.

Эти две книги не совсем пересекаются. «2-я Маккавеи» дает нам еще больше предыстории восстания Маккавеев. Все начинается еще в 175 году до нашей эры.

1-ю Маккавеев больше интересует примерно 168 г. до н.э. Меня не столько интересует, что привело к восстанию, сколько повествование о восстании и его последствиях. И наоборот, 2-я Маккавеи по своей истории датируется 161 г. до н.э.

Но Первая Маккавейская книга хочет рассказать всю историю, а не только историю военного героя Иуды, его успешного возвращения храма и победы над великим греко-сирийским полководцем Никанором. 1 Маккавей хочет рассказать всю историю о том, как каждый из его оставшихся в живых братьев способствовал благополучию Иерусалима и Иудеи и продвинул дело народа до такой степени, что весь народ признал Симона, последнего выжившего брата, и его сыновей как законные правители народа ввиду всего того добра, которое они принесли Иудее. Теперь форма истории переносит нас в многослойные конфликты.

Во-первых, это конфликт между двумя великими династиями, которые были преемниками Александра Великого. Династия Селевкидов, цари которой правили Сирией и Вавилонией, и династия Птолемеев, правившая Египтом. Земля Палестины между ними была оспариваемой землей.

С одной стороны, генералы Александра вместе, разделив его империю, согласились, что Селевк I будет править Палестиной. Птолемеи не согласился, поэтому он сохранил Палестину, а его преемники сохранили Палестину. За этой историей стоит конфликт.

Кроме того, существует конфликт внутри Иерусалима, о котором я уже упоминал, когда мы говорили о Бен-Сире, а именно конфликт между консервативными евреями, которые хотели не только продолжать соблюдать Тору, но и хотели, чтобы нация в целом продолжала управляться закон Моисея, а не прогрессивные евреи, которые считали, что ассимиляция в некоторой степени будет служить интересам нации. Они даже между собой разошлись во мнениях относительно того, в какой степени. Следовательно, были и конфликты среди прогрессивных евреев.

Как далеко нам нужно зайти, чтобы действительно обеспечить интересы народов? Итак, я уже упоминал, что после смерти Александра его генералы делят его царство. И Палестина оставалась под управлением Птолемеев, управлением греческих царей Египта, до 198 г. до н. э., когда Антиох III наконец смог победить армии Птолемея и завоевать Палестину, потому что Птолемеи

отказался от завоевания Палестины для своего собственного царства. Антиох III подтвердил право евреев продолжать жить по своему закону.

Значит, не было этого нисходящего сверху стимула к внезапному изменению образа жизни. Но что мы действительно видим в это время, так это раздоры внутри Иерусалима, внутри влиятельных семей Иерусалима. Семья Ониад, названная в честь Ониаса.

Это была семья первосвященников. И род Тобайадов, названный в честь их предка Товии, которого иногда называют Товией Аммонитянином, известный из Священного Писания. Семья, посторонняя иерусалимской иерократии, правлению иерусалимских священников, но семья, которая имела значительные амбиции стать влиятельными лицами еврейского народа.

И, честно говоря, они гораздо более политически подкованы, чем другая семья. Итак, в начале Второй Маккавейской книги у нас есть история, в которой Тобайад по имени Симон играет роль против Ониады по имени Ониас III, который был первосвященником. Саймон пытается снискать расположение монарха Селевкидов, в данном случае Селевка IV, говоря, что в храме есть средства, которые не являются священными.

И ты, мой король, мог бы предъявить им претензии. Селевк IV был очень рад деньгам, где бы они ни появлялись, потому что его семья, его династия должны были платить Риму дань после страшного поражения, которое они потерпели в 188 г. до н. э. Поэтому Селевк IV послал Гелиодора, вероятно, своего министра финансов, в храм, чтобы он вошел в храм, осмотрел фонды и взял те средства, которые ему подходили, чтобы завладеть ими.

Итогом этого эпизода является то, что с Гелиодором происходит нечто чудесное, когда он пытается выполнить свое поручение. По словам автора «Второй Маккавеи», ангелы на конях избивали его, чтобы он не смог посягнуть на святость храма. Важно то, что он вернулся с пустыми руками и, возможно, был тогда вовлечен в заговор с целью убить Селевка IV, открывая путь к восхождению на трон брата Селевка, Антиоха IV.

Судя по всему, Ониас III был консервативным первосвященником, как и его отец Симон II, первосвященник, которого так щедро восхвалял Бен-Сира. У Ониаса был брат, которого при рождении звали Иешуа, но в какой-то момент он сменил имя на Иасон. И это в значительной степени говорит вам все, что вам нужно знать о брате Ониаса.

Он был прогрессивным. Он хотел реформировать Иерусалим в сторону греческого города с греческими учреждениями, включая греческую гимназию, где молодежь города могла бы за государственный счет обучаться греческой

культуре, греческому языку, всем тем искусствам и навыкам, которые сделали бы их игроками. в международном мире. Теперь кажется, что Ясон интересовался нерелигиозной реформой Иерусалима.

Джейсону удалось заручиться большой поддержкой со стороны элиты Иерусалима, достаточной, чтобы (по-другому выразиться нельзя) выкупить первосвященство у своего брата. Он отправился со своим предложением к Антиоху IV и вернулся новым первосвященником. А его брату пришлось бежать в ссылку.

Итак, я думаю, что Песах за семейным столом был довольно напряженным. И Ясон продолжил свои реформы и учредил гимназию, как я уже сказал, орган для передачи греческого образования, греческой культуры, включая греческую атлетику и все такое, следующему поколению. И восстановили Иерусалим на основе греческой конституции, составив новый список сенаторов, которые затем будут участвовать в качестве совета нового греческого города в Иерусалиме. Что у тебя?

Однако он продержался не так долго. Всего три года спустя семья Тобаид поддержала собственного кандидата, чтобы продвинуть эти реформы и дать им более прямое участие в политике Иерусалима. Итак, мы находим еще одного священника по имени Менелай.

И если вы вообще знакомы с историей Трои, вы знаете, что Менелай — тоже очень греческое имя. Итак, вот еще один прогрессивный священник, который, возможно, поменял бы собственное имя, если бы за него этого не сделали родители, назвав его при рождении. Но Менелай делает нечто новое.

Он переходит и к религиозной реформе Иерусалима. Он пересекает границы, которые не переступил бы даже Джейсон. И именно при Менелайе храм в Иерусалиме стал местом поклонения всем его жителям, а не только еврейским жителям.

Итак, мы имеем мерзость запустения, как об этих событиях говорит и автор 1-й Маккавейской книги, и Даниил. Мы не совсем уверены, что это повлекло за собой, но вероятным кандидатом является возведение нового алтаря иностранным божествам, чтобы все люди, жившие в Иерусалиме, которые были равными гражданами в Иерусалиме, могли поклоняться в ее месте поклонения. Ну, это заходит слишком далеко.

Итак, мы имеем начало революции в Иудее с двух разных фронтов. С одной стороны, Джейсон хочет вернуть себе титул. Итак, Джейсон получает поддержку человека по имени Гиркан, отчужденного брата в семье Тобайот.

Если уж на то пошло, это действительно мыльная опера. Ясон возвращается с армией, чтобы выступить против Менелая, как только Ясон слышит слух о смерти Антиоха IV. Он хочет воспользоваться этим временем междуцарствия, чтобы вновь заявить о себе и, без сомнения, договориться со следующим правителем Селевкидов, чтобы остаться там.

Но в то же время люди восстают. Им надоели эти эллинизированные первосвященники. В конце того дня и Ясон, и Менелай осаждаются в Акре, и им нужно, чтобы Антиох IV пришел на помощь, что Антиох и делает.

Далее следует, пожалуй, первый хорошо задокументированный случай религиозных преследований в древнем мире. Когда Антиох освобождает Менелая, он также, ну, сначала он крадет кучу денег из храма, потому что кто-то должен оплатить только что произошедшую спасательную операцию. И это будет Менелай.

Но он также объявляет вне закона соблюдение Торы, потому что, вероятно, такие люди, как Менелай, а возможно, и сам Менелай, посоветовали ему, что в основе всей этой революции лежит привязанность людей к этому старому варварскому туземному образу жизни. И если бы мы могли просто избавиться от этой привязанности, мы действительно смогли бы привести Иерусалим и Иудею в славное будущее. Итак, у нас есть истории жестокого мученичества, когда евреи демонстрируют свою верность завету, отказываясь подчиниться требованию согласия.

Итак, матери сброшены со стены Иерусалима за то, что они обрезали своих сыновей, а их малолетних сыновей тоже повесили им на шею. Стариков сжигают заживо за то, что они защищали копии Торы, когда головорезы Менелая и Антиоха пытались уничтожить все копии закона. А во Второй Маккавейской книге мы находим очень трогательную историю о старом священнике по имени Елеазар, о семи братьях и их матери, каждый из которых, в свою очередь, отказывается съесть кусок свинины, которую, вероятно, только что принесли в жертву тому, что теперь было воздвигнуто в Иерусалимский храм, отказавшийся съесть кусок свинины в знак капитуляции и вместо этого подвергшийся пыткам до смерти.

После этого восстание Маккавеев действительно набирает обороты. Итак, те же репрессии против иудаизма в Иерусалиме распространяются на внутренние районы, на деревни вокруг Иерусалима. Когда чиновник короля прибывает в маленькую деревню Модин, он приглашает главного старейшину по имени Маттафия, местного священника, первым указать путь вперед и принести жертву на импровизированном алтаре чужеземному богу.

И Маттатиас, конечно, отказывается. Он верный соблюдающий Тору и преданный еврей. И так, какой-то оппортунист в деревне, имя которого не сохранилось, решает снискать расположение повелителей и выходит вперед, чтобы первым принести жертву.

В поступке, который позже напомним автору «Первых Маккавеев» о Финеасе, Маттафия берет свой меч и пронзает их обоих одновременно у алтаря. И таким образом он с размахом инициирует то, что стало известно как восстание Маккавеев. Он собирает к себе в пустыне всех, кто верен закону и имеет что-нибудь из дерева или металла, чтобы сражаться.

И начинают они, по сути, с нападков на евреев-отступников, на тех, кто уступает, кто не обрезает своих детей. Он и его люди насильно обрезают мальчиков, и что у вас? И уничтожив плохо укомплектованные греко-сирийские гарнизоны по всей сельской местности.

С каждым успешным рейдом их число растёт. И Антиох продолжает посылать армии, которые слишком малы для выполнения этой работы. И поэтому, хотя они всегда сталкиваются с большим числом противников, Маттафия, а затем и его сыновья, поскольку Маттафия умирает в начале этой войны, продолжают одерживать победу за победой над греко-сирийскими армиями.

Пока, наконец, они не отвоевывают храм и не могут очистить его от того, что поместил туда Менелай. И восстановить правильный ритм жертвоприношений согласно закону. Военная работа продолжается на протяжении всей жизни Иуды и в карьере его брата Ионафана, его младшего брата Ионафана.

Но где-то около 160 или около того ситуация начинает меняться. И Джонатан и его брат, последний выживший брат Саймон, способны сделать больше посредством переговоров, чем им нужно сделать посредством войны против армий Селевкидов. Потому что сами Селевкиды переживают период раздора между соперничающими претендентами на трон.

Итак, каждый из этих конкурирующих претендентов пытается сделать Иудею своим союзником в борьбе. Итак, Джонатан способен играть одного с другим, пока наконец не завоюет себе титул первосвященника и право на некоторую меру внутреннего управления. Последний выживший брат получает право вывести последний гарнизон греко-сирийских солдат и наемников из Акры, крепости в Иерусалиме.

Таким образом, впервые за 400 лет в Иудею пришла политическая независимость. По словам автора Первой Маккавейской книги, иго язычников снято, по крайней мере, на время. На следующем занятии мы рассмотрим конкретные направления как Вторых Маккавеев, так и Первых Маккавеев.

Мы как бы рассмотрели историю, которую они рассказывают вместе. Но каждый рассказывает историю или часть истории, я бы сказал, определенным образом, потому что у двух авторов несколько разные цели и причины для написания. И мы посмотрим на это и продолжим наш путь к апокрифам на следующей лекции.

Это доктор Дэвид де Сильва в своем учении об апокрифах. Это сеанс 2, «Более внимательный взгляд: Первый Ездра, Бен-Сира, Первая и Вторая Маккавеи».